

NORA ROBERTS

Cousins O'Dwyer Trilogy

Смуглая ведьма

Родовое проклятие

Орудие ведьмы — любовь

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

ОРУДИЕ ВЕДЬМЫ —
ЛЮБОВЬ

МОСКВА 2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Nora Roberts
BLOOD MAGICK

Copyright © Nora Roberts, 2014
This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *С. Володиной*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Робертс, Нора.

P58 Орудие ведьмы — любовь : [роман] / Нора Робертс ; [пер. с англ. С. Б. Володиной]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы).

ISBN 978-5-699-87892-5

У потомственной ведьмы Брэнны О'Двайер есть все: любящие брат и сестра, собственный магазин, верные друзья. Но есть одно недостающее звено в ее жизненной цепи: любовь... Короткая интрижка с Финном, потомком их злейшего врага, обернулась мучительной болью и разбитым сердцем. Чтобы заполнить пропасть, оставленную после расставания, Брэнна отдает все силы на осуществление плана, который положит конец злу, преследующему их семью в течение многих веков. Справится ли Брэнна со своей миссией? Ведь против нее враг использует самое опасное оружие — любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-87892-5

© Володина С., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Посвящаю Кэт.
Ты свет в моем оконце.*

Как звезды далеки от нас,
И как далек наш первый поцелуй,
Ах, сердце, сколько ж лет!

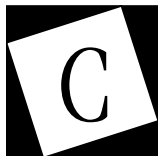
Уильям Батлер Йейтс

Он жаждет мести, прольется
кровь — за кровь.

У. Шекспир¹

1

Лето 1276

Стоял солнечный день на исходе лета. Брэнног собирала душистые травы, цветы и листья — она готовила из них снадобья и отвары. Люди тянулись к ней — соседи и путники, движимые надеждой на исцеление. Как когда-то шли к ее матери, они шли к ней, Смуглой Ведьме, со своими болями в теле, в сердце, в душе и расплачивались монетой, услугами либо товаром.

Вышло так, что они с братом и сестрой обустроились в Клэре, далеко-далеко от родного Мейо. От домика в лесу, где жили прежде. И где умерла их мать.

Им удалось наладить здесь свою жизнь, да что там наладить — жизнь эта оказалась куда более спокойной и счастливой, чем она могла себе вообразить после всего, что случилось в тот страшный день. День, когда их мать отдала им всю свою чародейственную силу, оставив себе самые крохи, и, принеся себя в

¹ «Макбет», акт III, сцена 4.

жертву, отослала подальше от дома и родных мест, туда, где они будут в безопасности.

Вспоминая тот день, Брэнног теперь понимала, что тогда ею руководило ощущение непоправимой беды, чувство долга и неизбывный страх. Вот почему она исполнила то, о чем просила мать, — увела братишку с сестренкой подальше.

Любовь, детство, невинность — теперь все позади.

С тех пор прошли долгие годы. Первые несколько лет, как наказала им мать, они провели в семье близких, а точнее — в доме их тетки, в спокойствии и безопасности, окруженные вниманием и заботой. Но, как это бывает в жизни, настало время — и они покинули это гнездо, чтобы стать тем, кем было написано им на роду и кем они останутся до конца своих дней.

Смуглой Ведьмой. Тремя ее составляющими.

В чем их удел? Их высшее предназначение? Уничтожить злодея Кэвона, черного колдуна, погубившего их отца, Бесстрашного Дайти, и мать, Сорку. Кэвона, который неведомым образом уцелел, несмотря на проклятье Сорки.

Но сегодня, в этот ясный день последнего месяца лета, все казалось таким далеким — и та жуткая последняя зима, и пришедшая ей на смену весна, принесшая с собой кровь и смерть.

Здесь, в обихоженном ею доме, воздух был наполнен благоуханием розмарина из ее корзины, роз, посаженных ее мужем по случаю рождения их первенца. На синем небе, как на лугу, белыми барашками паслись облака, а леса и расчищенные ими для пахоты поля были зелеными, как изумруд.

Сынишка, ему еще не исполнилось и трех лет, сидел на солнце и колотил в барабан — его смастерил

для него отец. Малыш барабанил с таким сосредоточенным упоением, что от любви у Брэнног защипало глаза.

Годовалая дочка спала, крепко сжимая любимую тряпичную куклу, под неусыпной охраной верного пса Катла.

А во чреве Брэнног уже ворочался и толкался ножками третий. Тоже сын, она это знала.

С места, где сейчас стояла она, ей было видно поле и небольшая хижина, которую без малого восемь лет тому назад они поставили здесь с Тейган и Эймонном, своими сестрой и братом. Дети, подумалось ей, мы были всего лишь дети, лишённые детства.

А теперь они живут поврозь, но все друг от друга неподалеку. Эймон Верный, такой сильный и такой настоящий. Тейган, сама доброта и справедливость. Сейчас она вся лучится счастьем, без ума от любви к человеку, чьей женой стала этой весной.

Какой здесь покой, подумала Брэнног, и барабанный грохот ее малыша не нарушает его. Дом, деревья, зеленые холмы с крапинками овец, сад и чистое голубое небо... Везде разлит этот покой.

И всему этому должен прийти конец. Всему этому скоро должен прийти конец.

Время подходит. Она ощущала это так же явно, как уверенные толчки ребенка у себя во чреве. Ясные дни уступят место мраку. На место мира придет кровь и война.

Она потрогала на шее свой амулет с фигуркой собаки. Его сделала для нее мать как оберег, и теперь магия крови Сорки хранила Брэнног в трудные для нее дни. Скоро, подумалось ей, очень скоро ей вновь понадобится эта защита.

Почувствовав легкую боль в пояснице, Брэнног потеряла ее рукой, а к дому уже скакал Ойн — ее мужчина.

Ойн. Такой красивый и такой родной. Зеленые, как холмы, глаза, черные, как вороново крыло, волосы, локонами спадающие на плечи. Высокий и прямой, он непринужденно держался в седле гнедой кобылы, и по округе летел его голос — он по обыкновению пел.

Видит бог, при одном взгляде на мужа Брэнног всегда испытывала прилив счастья — вот и сейчас губы ее разошлись в улыбке, а сердце взмыло вверх, как подхваченная ветром птица. Она, никогда не верившая, что для нее тоже существует любовь, убежденная, что ее семья — это брат и сестра, что она живет с одной целью — исполнить свое предназначение, влюбилась в Ойна из Клэра без памяти.

Брин подскочил, отбросив в сторону барабан, и со всех маленьких крепеньких ножек помчался на встречу отцу, повторяя:

— Пап! Пап! Пап!

Ойн нагнулся, подхватил сынишку и усадил к себе в седло. До Брэнног долетел смех — мужа и сына. И снова ей зашипало глаза. В этот момент она чувствовала, что готова отдать все, всю свою силу, все свое дарование до последней капли, только чтобы уберечь их от трагического грядущего.

Малышка, названная в честь бабушки Соркой, захныкала. Катл зашевелился и негромко зарычал.

— Слышу, слышу. — Брэнног поставила корзину, подошла к проснувшейся девочке, взяла ее на руки и поцеловала. Ойн был уже тут как тут.

— Глянь, кого я подобрал на дороге! Какого-то потеряшку-цыганенка... Не знаешь, откуда здесь взялся такой?..

— Пожалуй, оставим его себе. Может статься, если его отмыть как следует, так и продать выгодно удастся.

— Да, за этого могут дать неплохую цену! — И Ойн поцеловал сынишку в макушку. Тот захихикал, довольный. — Ну, а теперь ступай, парень.

— Кататься, пап! — Брин повернул к отцу умоляющие черные глазищи. — Пожалуйста! Кататься!

— Ну давай, только недолго. А потом я рассчитаю получить свой чай. — Он подмигнул жене и пустил коня галопом. Мальчуган восторженно вскрикнул.

Брэнног подняла корзину, поправила малышку Сорку на бедре.

— Идем, дружище, — позвала она Катла. — Пора тебе пить твой отвар — для укрепления, ты ведь уж немолод, сам знаешь!

И она зашагала к дому, который Ойн, сильный и мастеровитый, выстроил своими руками — прекрасный дом. Поворошила кочергой огонь в очаге, усадила дочурку и поставила чай.

Поглаживая собаку, напоила ее свежим оздоровительным снадобьем. При должном уходе, считала она, жизнь Катлу еще можно продлить на несколько лет. Она почувствует, когда пора будет его отпустить.

Но не сейчас. Пока еще не время, нет.

Когда, держась за руки, в дом вошли ее муж и их сын, на столе у нее уже стояли медовые кексы и варенье и был готов чай.

— Хорошо-то как... — Ойн нагнулся поцеловать жену и, как всегда, не спешил отрываться от ее губ.

— Ты рано сегодня, — начала было она, но тут ее материнский глаз углядел, что детская ручонка уже тянется к сладкому. — Давай-ка, мальчик мой, ты сперва ручки помоешь, а потом сядешь за стол, как положено, и выпьешь свой чай.

— Мам, они не грязные! — Малыш показал ей ладошки.

Брэнног бросила взгляд на чумазые пальцы и сдвинула брови.

— Сейчас же мыть руки! Обоим!

— С женщинами лучше не спорить, — заговорщицки улыбнулся сынишке Ойн. — Эту науку тебе еще предстоит постичь... Достроил сарай для вдовы О'Брайан, — сказал он жене. — Ну и бездарный же у нее сын, доложу я тебе. Толку от него — как от козла молока. Впрочем, он мне не мешал, ушел куда-то сразу по своим каким-то делам. Да без него оно и ловчее было.

Он помогал малышу вытирать руки и рассказывал, как прошел день, потом подхватил на руки и подбросил вверх дочку, заговорив уже о предстоящих делах. Девчушка от восторга визжала.

— Ты — радость этого дома, — прошептала на ухо мужу Брэнног. — От тебя в нем светло.

Он спокойно взглянул на нее и посадил малышку.

— А ты его сердце. Присядь ненадолго, дай отдых ногам. Чаю выпей.

Он ждал. О, она знала: терпеливее мужчины не сыскать. Или упрямее — как посмотреть, ибо часто это две стороны одного характера, во всяком случае, у ее Ойна это так.

Когда дневные заботы остались позади, ужин приготовлен и съеден и дети уложены, он взял ее за руку.

— Не прогуляешься со мной, милая Брэнног? Вечер сегодня чудесный.

Сколько раз он говорил ей эти слова, пока ухаживал за ней — когда она пыталась лишь отмахнуться от него с легкой досадой, как от докучливого комара?

Сейчас же она только взяла шаль, свою любимую, подарок Тейган, и накинула себе на плечи. И бросила взгляд на лежащего у очага Катла.

«Пригляди вместо меня за детьми», — мысленно попросила она и уверенно вышла вслед за Ойном в сырую прохладу ночи.

— Будет дождь, — проговорила она. — Ближе к утру.

— Тогда, считай, нам повезло: у нас вся ночь впереди. — Он положил ладонь ей на живот. — Все хорошо?

— Да, все чудесно. Он такой непоседа, все время ворочается. Весь в отца.

— Брэнног, мы вроде неплохо устроены. Может, нам стоит нанять прислугу? Денег хватит.

Она бросила на него быстрый тревожный взгляд.

— Что, какой-нибудь непорядок в доме? Что-то не так у детей? Еда не так приготовлена или мало ее?

— Да нет. Просто я видел, как моя мать горбатилась до последних дней. — Он говорил и легонько массирует ей поясницу, отлично зная про эту ее ноющую боль. — Я не допущу, чтобы ты тоже не щадила себя, моя дорогая.

— Я себя замечательно чувствую, честное слово.

— А тогда почему ты грустишь?

— Я не грущу. — Это ложь, поняла она, а ведь она никогда ему не врала. — Разве самую малость. Женщина, когда носит ребенка, сходит с ума, тебе ли

не знать? Забыл, как я то и дело рыдала, когда была беременна Брином? А ты молча сделал и принес в дом колыбельку... Я же рыдала так, будто наступил конец света!

— То было от радости. А сейчас тебе грустно.

— И радостно тоже. Как раз сегодня я стояла и смотрела на наших детей и думала о тебе, о том, как мы живем. Это радость, Ойн. Сколько раз я тебе отказывала, когда ты просил меня стать твоей, а?

— Для меня и одного было много.

Она рассмеялась, и к горлу ее подступили слезы.

— А ты все просил и просил, помнишь? Обхаживал меня то песнями, то увлекательными историями, то полевыми цветами. А я все твердила, что никому не буду принадлежать.

— Никому, кроме меня.

— Никому, кроме тебя.

Она вдыхала в себя эту ночь, благоухание сада, леса, холмов... Вдыхала то, что стало для нее домом, понимая, что однажды ей придется все здесь оставить, чтобы вернуться в дом своего детства. Вернуться к своему предназначению.

— Ты знал, кто я такая. Знал, кто я есть. И все равно хотел меня: не моей колдовской силы — меня.

Вот что оказалось для нее дороже всего на свете, вот что распахнуло ее сердце, которое она зареклась держать на замке.

— А когда я больше была не в силах противиться этой любви, я рассказала тебе все, все без утайки, и вновь отказала. Но ты попросил опять. Помнишь, что ты говорил мне тогда?

— Я и теперь тебе это скажу. — Он повернулся к ней и, как в тот далекий день, взял ее руки в свои. —

Ты моя, а я — твой. Я возьму все, что есть в тебе, и отдам все, что есть во мне. И я буду с тобой, Брэнног, Смуглая Ведьма Мейо, и в огне и в воде, и в горе и в радости, и в бою и в мире. Загляни в мое сердце, ведь ты это можешь! Загляни в меня и познай любовь.

— А я так и сделала. И делаю до сих пор. Ойн! — Она прижалась к нему, зарылась лицом у него на груди. — Это такое счастье!

И все-таки она не удержалась от слез.

Муж принялся ее гладить и утешать, потом легонько отстранил от себя, чтобы видеть ее лицо в бледном свете луны.

— Что, пора сниматься с места? Возвращаться в Мейо? — догадался он.

— Да, и скоро. Совсем скоро. Прости меня!

— Нет. — Поцелуем он заставил ее замолчать. — Никогда больше не говори мне так! Ты разве не слышала, что я сказал тогда? Забыла мои слова?

— Могла ли я знать? Когда ты произносил эти слова, а я чувствовала, что они проникают мне в самое сердце, могла ли я знать, что когда-нибудь мне будет так горько? Как бы мне хотелось остаться, просто остаться здесь! Быть здесь, с тобой, а все остальное оставить в прошлом и где-то далеко-далеко. Но я не могу. Не могу дать эту малость ни нам с тобой, Ойн, ни нашим детям.

— Им ничто не грозит. — Он снова положил руку ей на живот. — Ничто и никто. Я об этом позабочусь, клянусь тебе!

— Ты должен в этом поклясться, ибо, когда придет время, мне придется оставить их и вместе с братом и сестрой сразиться с Кэвоном.